

**«ПИШУ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО СУЩЕСТВУЮ»
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ХОДУ ЧТЕНИЯ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК
М.А. ГРИШИНОЙ-АЛМАЗОВОЙ)**

Е.А. Калач, Д.И. Петин

Аннотация: В статье на основе путевых заметок частного характера антибольшевистского политического деятеля М.А. Гришиной-Алмазовой, разворачивается размышление об автореферентном характере автобиографических источников. Выявляется взаимосвязь смены типа научной рациональности с пониманием статуса автореферентирующего письма. По ходу статьи авторы формулируют три подхода к пониманию автобиографии: субъект-объектный, бессубъектный и имманентный. В результате рассмотрения сильных и слабых сторон данных подходов, делается вывод о большом эвристическом потенциале имманентного подхода к автобиографии. С точки зрения данной методологии осуществляется попытка осмысления путевых заметок М.А. Гришиной-Алмазовой.

Ключевые слова: автобиография, автореферентность, имманентный подход, феноменологическое переживание, гендерная история, Гражданская война, белое движение.

*Я хочу творить правду в сердце моём пред лицом Твоим в исповеди,
и в писании моём пред лицом многих свидетелей.*

*Аврелий Августин
Исповедь, Книга 10, 1*

Всякая гуманитарная наука непременно задается вопросом о самой себе. Гуманитарное знание в рамках исторического дискурса, в этом отношении, не могло не испытать на себе влияние экзистенциалистских и феноменологических учений, поглотивших интеллектуальный мир Европы двадцатого столетия и послуживших, по словам В.А. Лекторского формированию «культы индивидуальности» [1, с. 16]. Этому также способствовала сама эпоха, которая в минувшем столетии была чрезмерно наполнена событиями, относящимися не только к истории коллективной, но и имеющих прямую связь с историей индивидуальной. Неслучайно, что ключевым мотивом «миллениумных» дискуссий стало понимание современности через травматический опыт истории [2; 3; 4]. Исследователи отмечают в связи с этим, что «в современном обществе весьма актуальной остается проблема самоидентификации человека и тех механизмов, с помощью которых он определяет себя» [5, с. 195]. Поэтому, все большую значимость историки придают изучению содержания мира конкретного исторического

лица, так называемой «персонифицированной истории» [6, с. 84].

В этой связи ряд исследователей фиксируют антропологический поворот в исторической науке и появление нового типа ученого – «человека интерпретирующего» в ходе «и герменевтизации гуманитаристики, и интерпретации персональной истории, и биографической рефлексии» [6, с. 83]. Такой подход являет историю иначе и демонстрирует открытый интегративный характер современной исторической науки, что позволяет говорить о ней, как об актуальной, динамично развивающейся сфере гуманитарной мысли. Среди наиболее подходящего инструментария для такого рода исследований историки чаще всего обращаются к автобиографическим источникам (эго-документам) (автобиографии, дневники, мемуары, путевые заметки).

Предварительный анализ подобных работ позволяет утверждать следующее. Во-первых, что большинство исследователей прибегают к эго-документам, как к дополнительному источнику информации для реконструкции и интерпретации событий прошлого, как в целом России, так и ее отдельных регионов [7; 8; 9; 10; 11], так что автобиографический источник в качестве объекта исследования по значимости невольно оказывается приравнен к другим архивным документам. Во-вторых, что «историк, подходя к тексту, всегда уже имеет его предварительное понимание, предпонимание, детерминированное условиями, в которых он живет» [12, с. 202]. Таким образом, приходится констатировать, что, несмотря на существенные, в целом, изменения в предмете и характере исторических исследований, они всё же до сих пор исходят из присущей картезианскому субъекту парадигмы субъект-объектного дуализма, свойственного духу классической рациональности, что в целом оскудняет эвристический потенциал автобиографических источников.

Благодаря усилиям современных историков достаточно полно освещена жизнь антибольшевистского политического деятеля Марии Александровны Гришиной-Алмазовой (1890/91–1976) – «серой кардинальши» белого Омска (в том числе, увидела свет ее самая полная на сегодняшний день биография) [10]. В рамках данной статьи будут опубликованы ее путевые заметки периода с 23 февраля по 5 марта 1919 г., когда она по политическим соображениям¹ и по совету своего любовника и мастера политических интриг И.А. Михайлова покинула Омск и направилась в восточном направлении. После чего, недолго пожив в Благовещенске и Владивостоке, она вернулась в Омск к лету 1919 г. [8, с. 395].

Иван Адрианович Михайлов является адресатом названных лаконичных посланий (во многом интимного характера), в которых М.А. Гришина-Алмазова с глубоким проникновением раскрывает свои переживания, обращаясь к своему возлюбленному. Эти бумаги вместе с другой личной перепиской оказались изъяты у их автора 8 января 1920 г. в момент ее ареста представителем Иркутского Политического центра. Эти источники дошли до наших дней, как вещественные доказательства в составе архивного уголовного дела 1920 г. в отношении М.А. Гришиной-Алмазовой, Е.А. Ковязиной и М.

¹ Причиной громкого скандала стало убийство казачьего офицера, произошедшее в начале 1919 г. в салоне М.А. Гришиной-Алмазовой (Цветков, 2014: 8–9).

Кушнира, возбужденного революционными властями.

Путевые заметки составляют не только историческую и культурную ценность для сибирского региона, описывая элементы повседневности Гражданской войны. Они невольно отсылают нас и к философскому осмыслению этого исторического источника, в связи с чем, мы представляем их публикацию в междисциплинарном дискурсе. Однако, не допустима даже малейшая профанация данного материала. Поэтому, постараемся осмыслить его, преодолев названные выше ошибки, характерные для подобного рода работ.

Одним из первых мыслителей, кто обратился к жанру автобиографии, а потому даже мыслится ее «изобретателем» был А. Августин, который очертил особое пространство диалога в исповеди: «моё сердце – Ты» и «писание – свидетели» [13, с. 10]. Но исповедь, в ее общеупотребительном значении не предполагает множества третьих лиц, а напротив, представляет собой очень личное таинство, для исполнения ритуала которого церковь даже создает особые условия, чтобы сохранить ее анонимность. По большому счету, для Бога достаточно сердца человека, чтобы узреть правду о нем, Бог ведает о человеке еще до того, как человек проблематизировал себя для себя самого. Отчего тогда человек обращается к исповеди (а в случае с М.А. Гришиной-Алмазовой – к путевым заметкам, которые были ли доставлены адресату – неизвестно)? Здесь важно обратить внимание на другую смысловую часть представленного в эпитафии высказывания: «я хочу творить правду» - пишет Августин. На наш взгляд – это ключевой момент в понимании мотива для создания автобиографии: автору важна не та истина, которая уже известна Богу или может сообщить нечто своему адресату, а только та, которая еще будет твориться в процессе письма. То есть, для Августина было важно подчеркнуть этот становящийся характер творимой им истины себя. Создавая письмо о себе, человек заявляет в первую очередь о своем существовании, он пытается найти свои контуры среди множества других таких же, как он. Если обратиться к заметкам М.А. Гришиной-Алмазовой, то в них фигура Бога замещена фигурой возлюбленного, к которому она обращается в заметках, а также к будущему, которое, вероятно, как она подозревала, эти заметки унаследует и станет свидетелем ее личной истории и творимой ею истины.

Автобиография – это такой тип исповеди, в которой отсутствует диалог «я – Бог», но по-новому, более концентрировано является «письмо – свидетели». В автобиографии автор растворен в письме, а Бог - в свидетелях. По сути, я и Бог исчезают и уступают место тексту и свидетелю. Если, как описывает их М. Фуко [14, с. 78–84], стоические практики себя направлены на поиск тождества себя с собой, то автобиография как способ деятельности по обнаружению Я, должна пониматься диалектически – она скорее желает потери самотождественности для встречи с Другим.

Такое диалектическое понимание отношения Я-Другой, с точки зрения современного российского философа Н.П. Копцевой, способствуют формированию целостности на уровне индивидуального бытия: «Субъект выбирает определенный способ действия среди множества возможных способов, и в этом единственном способе действия он, с одной стороны, совершает акт самоопределения, а с другой стороны,

открывает внешний себе объект через способ действия с ним. В выбранном действии человек и выступает свободным и разумным существом, и одновременно делает себя таковым» [15, с. 1739]. Другими словами, моему изменению должны быть свидетели – это сделает мое бытие подлинным. Автореферентное письмо, как инструмент такого действия, радикально трансформирует самого говорящего субъекта изнутри. Исповедь, автобиография, дневники, путевые заметки представляют – частные случаи автореферирующего письма, представляющего собой обращенную к Другому речь. Все они не просто высказывание, но речевой акт, в котором возникает сам рассказчик, в котором он обнаруживает сам себя. Создавая текст, автор приглашает к наблюдению за собой, в том числе и за истиной самого себя: другой становится для меня богом, который позволяет мне увидеть меня самого.

В этой связи все большую актуальность приобретает следующий философский вопрос: существует ли зависимость между самоидентификацией человека и актом автореферирующего письма: как то, что говорит историческое лицо о себе самом в автобиографии, дневниках и путевых заметках, связано с его существованием? Если эта зависимость существует, то какая сторона мыслящего автореферирующего субъекта имеет большую гносеологическую значимость – произведенное им культурное и историческое событие или он сам и его самоидентификация в акте автобиографического письма? Что для историка, в свою очередь, оборачивается вопросом: каким инструментом, каким методом должен пользоваться историк, чтобы-таки обнаружить истину о событии?

Методология

С точки зрения современной философской критики субъект-объектного дуализма, автобиография как один из жанров биографического письма заслуживает более пристального внимания. Ввиду многообразия философских школ и направлений, в целом стоящих на позиции детрансцендирования, выраженного в концептах «смерть Бога» и «иллюзия задних миров» (Ф. Ницше), «расколдовывание мира» (М. Вебер), «закат метанарраций» (Ж. Лиотар) и многих других, в современной философии складывается ситуация, когда мы можем говорить о двух неклассических подходах к пониманию автобиографии: а) бессубъектный подход: автобиография как очищение, полагающее освобождение от любых канотаций: истина мыслится как то, что может образоваться в результате деконструкции (Ж. Деррида, Р. Барт); б) имманентный подход: автобиография как попытка обнаружить себя, вернуть себя истинного через высказывания (Надя Петёфски, М. Фуко, Ж.-Л. Марион.). Для того, чтобы, следуя цели нашей работы, определиться с ее методологией, рассмотрим ключевые идеи этих подходов.

В рамках бессубъектного подхода к автобиографии, контуры которого более всего определяются благодаря Р. Барту и Ж. Деррида, осуществляется открытый отказ от любой отсылки к субъекту. Удивительно, что философия обоих мыслителей может быть осмыслена как *реквием* по автору и, как следствие – по автобиографии. Ведь, несмотря на то, что в целом их позиция могла бы светиться к констатации «смерти автора», тем не менее, оба они отчаянно пишут свои автобиографии: Р. Барт «Ролан Барт о Ролан

Барте» и Ж. Деррида «*Circonfession*»², в попытке ухватить ускользающих авторов себя. Собственно, вся творческая активность Барта – это попытка опровергнуть своё известное предчувствие: но ни в сборнике эссе «нулевая степень письма» (1953), ни в статье «смерть автора» (1968), ни в «удовольствии от текста» (1973) ему так и не удается *схватить* и *удержать* самого себя: «удовольствие возникает за счет того, что человек воображает себя индивидом, создаёт последнюю, редчайшую фикцию – фикцию самотождественности» [16, с. 513]. Вытеснение автора из композиции текста, казалось бы, делает невозможной какую-либо автобиографию. Но Барт интересно выходит из этого затруднительного положения отрицания самого себя: к концу своей творческой жизни он «предпочитает говорить теперь о жизненном письме» [17, с. 215]. Смысловое различие автобиографии и жизненного письма у Барта основывается на различии в понимании субъекта: если субъект автобиографии завершен, целостен, то «жизненное письмо фрагментирует существование субъекта на отдельные «биографемы»» [там же].

Эта идея была подхвачена Ж. Деррида, когда он весьма метафорично визуализировал бартовскую «фикцию самотождественности» в символе «лицевого паралича»: «истина глаголет из перекошенного рта, вопреки всем диагнозам и прогнозам, искаженное лицо напоминает тебе, что ты не живешь в своем лице потому, что у тебя слишком много мест, вы имеете место в большем числе мест, чем нужно» [17, с. 274]. Кто я? Вопрос, рискующий остаться без ответа: «Мы часто имеем впечатления, но не можем их назвать, имеем слова, но не можем сложить из них текст, если речь заходит о нас самих, нуждающихся в понимании из вне» [18, с. 82]. Человеку доступна лишь игра знаков, таящих в себе бытие, которое есть принципиально несказываемое. Однако для Деррида только в этом вопросе, только в этом обращении и есть смысл, поскольку именно через это обращение человек заявляет, что ищет себя, которого еще даже не знает. Поэтому для Деррида автобиография – это очищающий акт деконструкции. Именно эта интуиция делает интересным для него затерявшееся в веках высказывание Августина «*facere veritatem*» (творить истину). И у Августина в паре «я-Бог» и у Деррида в паре «автор-свидетель» нужно отчистить себя от всего, чтобы дать место в себе истине, которая больше, чем ты сам, но которой ты еще не владеешь. Исповедь как предпосылка автобиографии, сообщает ей безусловную ценность: писать текст о себе – это не сообщать информацию, но преобразовывать себя через раскаяние перед другим. Автобиография с точки зрения Ж. Деррида призвана стереть искаженное, состоящее из разрозненных частей лицо. И она справляется с этой задачей, но, признаваясь в поступке перед свидетелями, человек отрекается от поступка и, соответственно – от себя. Таким образом, и Деррида, и Барт настаивали на невозможности автореферирования письма: они исключали зависимость автобиографического текста и жизни. Следуя такому подходу, историк неизбежно оказывается в ловушке: в сухом остатке от автобиографии он получает историческое лицо, отказавшееся от себя, которое теряет в таком случае культурную и историческую ценность.

2 Деррида играет со смыслами двух понятий *circonfession* (обрезание) и *confession* (исповедь), как бы подчеркивая сопричастность состоявшегося в его жизни эмпирического факта обрезания становлению его я.

Подобные следствия из философии деконструкции для научного статуса автобиографии, конечно, не могли не вызвать резонанс в интеллектуальной философской среде. Так, в октябре 1966 года в Балтиморе (США) состоялась знаменитая конференция «Языки критики и науки о человеке», одними из значимых приглашенных гостей в которой были Деррида и Барт. По прошествии этой конференции Деррида в одном из писем Барту сообщает: «Вам удалось поговорить с этой молодой мадьяркой Надей? Мне она жаловалась на, как она выразилась, уплотнение языка и разжижение мира, чему мы, по ее мнению, виной» [17, с. 322]. Речь здесь идет о молодой аспирантке из Венгрии, которой посчастливилось принять участие в конференции, но которой, в отличие от ее ровесницы Юлии Кристевой, так и не удалось стать частью постмодернистского дискурса ввиду непринятия ключевых его идей. Надя Петёфски (1942–2013), о которой в русскоязычной философской среде известно очень мало, в своей диссертации [19] обосновывает автореферентность текста, видя в каждом языковом утверждении акт самоутверждения: «Человек спасает свою жизнь, говоря о ней (и, таким образом, о себе). Не требуется трудоемкого исследования и взвешивания, чтобы понять отношение текста к жизни. Ибо жизнь нельзя упаковать в текст, как в сосуд. Но кто живет, текстует» [17, с. 325]. Если в рамках субъект-объектного дуализма, оговаривающего независимость субъекта от объекта, субъект удостоверился в факте своего существования самим процессом мышления, то с точки зрения Петёфски такое самутверждение невозможно без отношения к Другому, которого субъект в себя перенимает. Такое включение субъекта в объект представляет собой одно из проявлений характерного для современной философии имманентизма (от лат. *immaneo* - пребываю в чем-либо). Такой имманентный подход в ответе на вопрос об автореферентном потенциале автобиографии Петёфски кажется нам более продуктивным, чем подход Деррида и Барта. Рассмотрим его более подробно.

Имманентный подход к автобиографии

Тот объект, который с точки зрения классической парадигмы находился всегда по ту сторону от субъекта, ему противолежал, согласно такому имманентному подходу оказывается помещен вовнутрь. С точки зрения имманентного подхода, пока не состоялось включение объекта в субъект, не состоялось никакого события, а значит и невозможно о нем что-либо сказать. Акт мышления возможен лишь в том случае, когда мысль «пришита» к объекту. Мышление не начнется, пока не оттолкнется от объекта. Субъект появляется в тот момент, когда он встречается с феноменом и возвращается обратно. Я появляется как следствие этой встречи. Только через направленность на объект появляется возможность достраивать образ я, то есть, мы складываемся как субъекты восприятия. Исходя из имманентного подхода, автобиография не противостоит исследователю - она должна стать имманентной ему, когда субъект и объект не мыслятся вне встречи друг с другом, но впервые только и складываются внутри процедуры *интенциональности* – это отказ от трансцендентального понимания субъекта в духе Р. Декарта. Трансцендентальный субъект, каким его видел Декарт, как нечто цельное, законченное и состоявшееся, в имманентной трактовке теряет смысл, точно так же

как исчезает за необходимостью и интерпретатор, который всегда работает только с готовыми смыслами. Это означает, что не только сам автор и создаваемый им текст о себе самом складываются ни до, ни после, но только в самом акте письма, но и тот, для кого непосредственно пишется биография, складывается в процессе письма, которому он становится свидетелем, пусть даже через сотню лет.

Разумеется, фундаментом, на котором могла построиться система подобного толка является феноменологическая традиция во главе с ее основателем Эд. Гуссерлем. На первый взгляд, со стороны историка такой генезис – почва для критики имманентного подхода, согласно которому, в чистой феноменологии нет места реальной истории³. Однако, сегодня можно говорить о складывании новой феноменологической традиции – *постфеноменологии*⁴, опирающейся более на развитие поздних идей Эд. Гуссерля – «жизненного мира», «интерсубъективности» и эстетических особенностях феноменологического восприятия, в которых всё большее значение приобретает фигура Другого. Феноменологическое обращение – это всегда обращение к собственному опыту. Никто кроме самого автора не может конституировать смысл данной ему вещи или события. Поэтому историки, совершающие реконструкцию исторических событий, опираясь, хотя и на достоверные архивные записи, допускают непростительную с точки зрения имманентного подхода ошибку, если эти архивные записи не соотносятся им с феноменологическим опытом их автора. В таком случае, выводы по этой работе будут больше говорить о феноменологическом опыте самого историка больше, чем о самом историческом лице. В естественной установке историк просто отражает данные ему в архиве события. Но если сместить акценты, и заинтересоваться не историей, а тем как я эту историю вижу. Не просто знать, что состоялась чья-то жизнь или событие, а ощущать, как я испытываю его; не просто читать, а чувствовать, как я читаю. Такая процедура должна исключать предпосылочную нагруженность.

Исследователь Анна Ямпольская, опираясь на труды Анри Мальдине и Марка Ришира [21] показывает, что всякая область, в которой «поистине творится и возникает смысл» должна быть свободна от «любого пред-определения, будь то в опредмечивании, наброске, предвосхищении в наперед заданном понятии или интенциональном полагании» [21, с. 83]. Таким образом, Ямпольская выходит на уровень *постфеноменологии*, которая мыслит феноменологическую установку шире,

3 Однако, на сегодняшний день становится всё более очевидным, между «Идеями к чистой феноменологии» и «Логическими исследованиями», принадлежащими к раннему творчеству мыслителя и «Картезианскими медитациями» и «Кризисом европейских наук», представляющих собой заключительный этап складывания его философии, лежит существенное различие.

4 И.С. Вдовина в обзоре на издание, посвященное постфеноменологическим исследованиям «(Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами», подчеркивает что «внимание современных феноменологов сместилось от трансцендентальной субъективности к аффицированному собственной историей эмпирическому субъекту и основным методом феноменологической работы становится дескрипция субъективных переживаний, обретающая общезначимость через переход к истории, которая ретроспективно придает случайному и эмпирическому сущностный и необходимый характер» [20, с. 293].

чем ее мыслил ранний Эд. Гуссерль, стремившийся видеть в философии строгую науку. Благодаря такому подходу интенциональность получает больше возможностей.

В частности, в рамках такой установки чувственный опыт нужно понимать шире, чем он понимался у Дж. Локка, Им. Канта и даже у самого Эд. Гуссерля. Чувства как способ получения информации о качестве вещи не тождественны чувствованию $\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$, каким его описывает Аристотель [22]. Кантовские восприятие, ощущение и представления дают вещь в ее конкретности, определенности, предметности. Н.П. Копцева, подчеркивая значимость процедуры переживания в познании, отмечает, что усилие моделирующего себя сознания состоит в отказе от «жесткой определённости, предметности внешнего мира и переосмысление его в образах текучих, постоянно изменяющихся состояний, цветных, звуковых, имеющих форму, но не предметность» [15, с. 1742].

У Аристотеля такое переживание есть чувствование $\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\iota\varsigma$ есть пронизательность, всматривание – акт со-бытия мира и человека. Также доходчиво объяснил различие между чувством и чувствованием М. Хайдеггер, рассуждая о сущем, на примере мела⁵. Его анализ показывает, что мел – это сумма качеств, составляющих объект (белизна, хрупкость и пр.), постигаемых чувствами. Но восприятие отдельных этих качеств, выраженных в понятиях, не дает нам цельного видения. Белизна, хрупкость и все многообразие качеств, воспринимаемое органами чувств не имеют никакого значения, пока они не вплелись в моё бытие актом чувствования⁶. Размышляя таким образом о любом

5 «Что есть, например, в куске мела сущее? Уже этот вопрос двусмыслен, ибо слово «сущее» может быть понято с двух точек зрения... Сущее подразумевает то, что в каждом данном случае сущее, в частности, эта бело-серая, определенным образом оформленная, легкая, хрупкая масса. Далее, «сущее» подразумевает то, что как бы «делает» так, чтобы данное поименованное было сущим, а не наоборот, не-сущим» (Хайдеггер, 1998: 113).

6 Обозначенная параллель между автором и мелом демонстрирует парадокс существования, который состоит в том, что когда человек жив, он не ощущает себя целостным, он чувствует себя в пути, переживает себя как недосдачу, подразумевающую «еще не собранность вместе взаимопринадлежащего». Присутствие экзистенцирует всегда так, что к нему принадлежит еще-не. Эта неполнота – доказательство еще присутствия: «присутствие не собирается в кучку, когда восполнено его еще-не, оно наоборот тогда как раз кончает быть» [23, с. 242–243]. Выходит, что разгадка тайны сущего как раз и пролегает на границе жизни и страха смерти, заступании (у Хайдеггера): пока я живу, я, как «хайдеггеровский мел» - мыслю себя палитрой качеств, языков, заданных различными структурами. Я тщетно пытаюсь найти себя, своё я, но нахожу лишь субъекта - осколок, кусок, обрывок от всего многообразия структур, что составляют мое бытие-в-мире. Если угодно, в переживании страха смерти, человек впервые только сталкивается с самим собой. Если субъект есть ансамбль различного рода структур, так что в отношении самоидентификации он испытывает определенные трудности, чтобы различить себя среди множества Других (теорий, идей, идеалов, норм), то со страхом смерти сталкивается не субъект, но человек. Именно страх смерти делает из объективированного структурами субъекта человека. Субъект знает о смерти вообще, но вот переживает смерть – только человек. В этом переживании он совершенно уникален, его уже нельзя мыслить усреднено как субъект. В переживании собственной смерти кроется импульс к тому, чтобы, тем не менее, не умереть,

объекте, мы увидим, что творение истины – это не схватывание отдельных качеств вещи посредством органов чувств. Истина о вещи не определяется ее качествами и понятиями. Нужно нечто большое, чтобы эту вещь постичь. Чувствование – способность создавать из многообразия данных мне переживаний со-бытие. «Чувственное испытывание выходит за рамки осязаемых качеств. Любое ощущение полно смыслом для того, кто обитает им в мире» [21, с. 202]. Именно чувствование открывает мне меня самого в со-бытии с Другими. Окрестности, в которые мы заброшены, или обстоятельства жизни исторического лица, о которых мы узнаем из архивных источников – не более чем качества, благодаря которым, мы можем говорить: этот человек был там и там, делал то и то – мы даже можем составить добротную биографию. Но мы никогда не узнаем, кем был в действительности человек, если мы не начнем творить истину о нем посредством чувствования. Именно чувствование, являясь дорефлексивной intersубъективной способностью человека, может соединить исследователя и исторического деятеля. Однако, только в том случае, если исследователь выйдет из своей субъект-объектной исследовательской установки и откроет себя как *чувствующего-в-мире*, что актуализирует не пересказ очевидных фактов, но конституирование значимых для исследователя смыслов.

Еще в начале прошлого века теоретик литературы Юрий Тынянов, анализируя творчество одного из основателей русского формализма Виктора Шкловского [24], подчеркивал важность данного подхода в изучении исторического лица: «Авторская индивидуальность не есть статическая система...она динамична, как литературная эпоха, с которой и в которой она движется. Она не нечто подобное замкнутому пространству, в котором налицо то-то, она скорее ломаная линия, которую изламывает и направляет эпоха» [25, с. 257]. Если субъект-объектная установка стремится зафиксировать точный, стабильный смысл вещей, то феноменологическое переживание подходит к смыслу, как находящемуся в процессе его конституирования, становления. В фокусе феноменологической рефлексии история получает освобождение от темпоральной зависимости: «нормальный» ход времени искажается и имеет, скорее не линейную, но циклическую структуру – она всегда настоящее: оживает в сознании того, кто становится сопричастным ей посредством чувствования. Чувствование позволяет

жить, но уже в преобразованном качестве, постигшей себя целостности, посмертно. Смерть переживается в творчестве, так, что создавая текст, он заключает в него самого себя, отрывает от забвения и предает вечности. Поэтому речь в тексте всегда двунаправлена: к вечности и к ближнему. Поэтому, автобиография – это поэтическое выведение себя из сокрытия бытия на свет. Как справедливо обращается к о. П. Флоренскому омский философ П.Л. Зайцев, размышляя о возможностях привнесения смысла в бытие человека посредством чтения: «...сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь вечности. Это непостижимо, но это так» [18, с. 82]. Человек вытеснил Бога, но не может вытеснить вечность и несет перед ней ответ. Через речь Я становлюсь видимым не только для другого и для себя через обращение к другому, но и для вечности в акте нашего вневременного со-бытия. Становясь видимым для другого, я становлюсь видимым самому себе в процессе становления. То есть, я не сообщаю истину о самом себе, я обретаю ее в ходе письма.

нивелировать временную пропасть. В *со-бытии* время прожитое мною, принадлежит не только мне, но и тому другому, кто будет чувствовать его со мной, но окажется для меня недосыгаемым.

Таким образом, с точки зрения имманентного подхода никакое событие не должно рассматриваться само по себе – оно всегда должно быть включено в смысловую историю жизни субъекта (которая в свою очередь, оживает лишь в акте феноменологической установки исследователя). Смыслополагание есть путь, который не может сводиться к законченному гештальт-образу. Смысловая самоидентификация происходит в становлении, когда подобно белизне, плотности, вкусу собирающимся в сущее мела у Хайдеггера, отдельные факты историографии исторического лица собираются в единое целое в сознании исследователя, преобразая их и давая им новую жизнь. Таким образом, аутентичность существованию того или иного события придает чувство и его описание другим лицом. Только отказавшись видеть в истории готовые свершившиеся события, представленные в фактах, биографиях и теории, можно увидеть историю не как прошлое, но как динамическое длящееся вневременное со-бытие, преобразовывающее и исследователя, и переживаемую им историю.

Обсуждение

Хотя любовник М.А. Гришиной-Алмазовой И.А. Михайлов в некоторой степени обеспечивал ее защищенность в колчаковской столице, тем не менее, он посоветовал Марии Александровне по политическим соображениям на время исчезнуть из Омска. Выехав на Дальний Восток, 23 февраля 1919 г., она провела около недели в пути, о чем свидетельствуют опубликованные ниже путевые заметки. Лишь в отдельных случаях можно условно предположить место написания каждого из посланий. Стилистика и пунктуация первоисточника сохранены при соблюдении норм современного литературного русского языка. Оформление источника произведено в традициях археографии.

23 февраля 1919 г., [Омск] (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 116)

И так хочу тебя обнять, любить и плакать под тобой.

Крепко целую.

Ма[рия]

26 февраля 1919 г., [восточнее Иркутска] (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 117)

Разве ты меня уже забыл? В Иркутске не получила от Тебя телеграфа. Грустно, грустно.

27 февраля 1919 г., 7 ч.[асов] утра, станция Карымская (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 111–111об.)

Сижу двенадцать часов в [Карымской] и просижу еще столько же. Устала страшно. В перспективе ехать в вагоне третьего класса или в теплушке. Мне очень больно и тяжело, что я не получила от Тебя ни одной телеграммы.

Как же ты живешь, мой любимый, родной?

Ехала до Кор.[шинской] хорошо, только Магдалина (лицо не установлено – прим. авт.) надоела мне до ужаса. Вот омерзительная особа. Трудно хуже представить. Я люблю Тебя[,] мой Родной!

Не забудь меня.

Пиши мне[,] хотя бы изредка. Я умереть могу с тоски по Тебе. Я скоро вернусь к тебе. Целую мои любимые глаза.

Твоя Ма[рия]

28 февраля 1919 г., [станция Куэнга] (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 110–110об.)

Вот когда началось издевательство. От [Карымской] до Куэнги 216 верст (232 км. – прим. авт.) ехала сутки. Еду в вагоне четвертого класса, попала туда только потому, что у меня длинная фамилия. Трудно мне жить без тебя, мой Любимый!

На каждой станции говорят, что дальше не пропустят, потому что около Благовещенска идет наступление большевиков.

Как ты живешь, мой Родной? Что делаешь? Помнишь ли меня? Я не звука не получаю от Тебя. Страшно грустно, что Ты молчишь.

Может влияние Н.Ф. (лицо не установлено – прим. авт.) оказалось столь сильным, что я лишняя... Перестану писать, потому что появится злоба.

Будь здоров [!] Твоя Ма[рия]

1 марта 1919 г. (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 119)

Я люблю тебя[,] мой родной Ми[хайлов]!

Ехать прямо один кошмар. Я стала совсем брюнеткой. Молюсь за Тебя[,] Целую[,] Ма [рия].

2 марта 1919 г. (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 121–121об.)

Я много[–]много думаю о Тебе[,] Мое Солнышко! Сегодня проснулась в шесть часов утра. Все в вагоне спали. Я безумно Тебя люблю. Мне до безумия захотелось к Тебе. Мне трудно без Тебя. Целую кре–п–ко. Твоя Ма[рия].

4 марта 1919 г. (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 123–123об., 124)

Положение ужасно глупое. Сижу в пути[,] не доезжая Благовещенска] верст 300. Не везут ни назад[,] ни вперед. Если вернут назад[,] то я проеду во Владивос.[ток]

Измучалась я ужасно. Вот уже неделя[,] как не имею возможности умыться. Устала я страшно. Только Ты люби меня[,] мой Родной! Только Ты не забудь меня[,] Солнышко мое! Крепко[–]крепко целую Тебя[,] мой сероглазый гриф!!!

5 марта 1919 г. (Архив Управления ФСБ России по Омской области. Ф. 4. АУД. П–4413. Л. 125–125об.)

Отвратительное состояние. Четверо суток сидим на отвратительной станции. Грязь, гадость, я больна! Не везут ни в ту[,] ни в другую сторону. На душе тяжело...

Будь здоров [!] Твоя Ма[рия]

Рваность и неупорядоченность текста оставляет читателя в недоумении. С другой стороны, такая манера не случайна – она демонстрирует переживания Марии Александровны. Тексты заметок были написаны походу ее мучительно-долгого вынужденного путешествия. Будучи формально свободна, она ощущает себя в неволе, вызванной обстановкой дороги и поезда. Наречия, глаголы и прилагательные, призванные русским языком передавать многообразие состояний и коих в заметках большинство, позволяют пережить те события вместе с автором: обнять, любить, плакать, измучалась, устала, жить трудно; больно, грустно, тяжело. На наш взгляд, они передают именно те переживания, о которых мы говорили выше, заявляя, что только в письме автор начинает очерчивать контур своего Я.

«Жизнь на грани» не располагает к методически рефлексивному повествованию. Скорее, ценное в этих записках не информация, но факт наличия, существования. Если угодно, перед нами не путевые заметки, призванные осмысливать происходящие события, но более тексты, призванные оживлять. Сама автор в растерянности – она не знает, что станет с ней в следующее мгновение – ее задача зафиксировать свое переживание, а наша задача – ее переживание почувствовать. Каждая написанная ею заметка подтверждает тот факт, что она еще жива. Как жива, не смотря ни на что сама Россия, находящаяся, как и ее автор в «отвратительном состоянии»: эта хрупкая, родная, нежная, милая «в грязи и гадости» – ни та, ни другая сторона ей не могут стать теперь домом, потому что «старый белый дом разрушен», а новый еще не построен. Марии Александровне, как и России не от кого ждать ответа. Мы ощущаем эту безысходность вместе с ней – ее письма остаются без ответа. И она ждет своей участи: в какую сторону двинется состав. Это история не только индивидуальная, она – коллективная. Множество личных травм сплетаются в одну коллективную историю.

Невольно вспоминается судьба Марины Цветаевой, вынужденной покинуть родную Россию, и выразившей свои переживания во множестве ее стихотворений, в частности в «Тоске по Родине»:

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И все – равно, и все – едино.
Но если по дороге – куст
Встает, особенно – рябина...

То значение «маяка», которое несет для Марины Ивановны куст рябины, для Марии Александровны имеет фигура ее возлюбленного. История вместе с этим вагонным составом уносит ее в прошлое, свидетелем которого она является. Но она хочет жить. Эти заметки – способ остановить мгновение, остаться здесь и сейчас. Ссылка к тому, что она еще жива, хотя бы живы ее воспоминания, благодаря которым на свет является ее бытие. И Цветаева, и Гришина-Алмазова боятся «зависнуть» между мирами: между своим и чужим, что для них подобно гибели. Теперь жизнь не будет прежней, меняется эпоха, меняются судьбы, меняются люди – в путевых заметках Марии Александровны находит свое отражение индивидуальная травма и травма историческая, в которой сама автор добровольно становится свидетелем. Как написал в своей книге Примо Леви,

итальянский писатель еврейского происхождения, переживший Холокост: «Я хотел все видеть, все пережить, все испытать и сохранить все в себе. Но зачем, если я все равно никогда не смогу прокричать миру, что спасся? Просто затем, что я не собирался самоустраняться, не собирался уничтожать свидетеля, которым могу стать» [26]. Однако, стоит оговориться, что свидетельствуют всегда те, кто выжил, тот, кто оказался более удачливым и сумел вовремя приспособиться. И, может, в этом и состоит тайна биографий этих разных, но очень родных в горе женщин. Самоидентификация Цветаевой не позволила ей стать новой, ее развитие произошло вовнутрь, создав особое напряжение с внешним миром, за которым последовало ее самоубийство. Мария Александровна же, имела другой характер – она была авантюристкой, умела подстраиваться, поэтому переживания в ней имеют внешний характер. Для нее описываемые события – небольшая остановка большого пути, несмотря на все лишения и неприятности – это всего лишь начало чего-то нового. Она была готова жить дальше, не смотря ни на что. Однако, это отнюдь не обесценивает ее историческую ситуацию, ведь сам акт свидетельства в заметках о пережитом сопряжен с ответственностью. Свидетель, в котором рождается автор, ответственен за коллективную идентичность, каждый раз рождающуюся в акте его автореферирующего письма.

Заключение

В начале работы мы задались целью выявить зависимость между самоидентификацией человека и актом автореферирующего письма. Мы стремились ранжировать субъекта истории и произведенное им событие. Но теперь, открыв, что эта зависимость существует, мы понимаем, что сам субъект и есть историческое событие – самое ценное со-бытие, что может нам явиться, чтобы «сконструировать стабильный нарратив своей идентичности, то есть показать, что то, какие мы есть, и то, как мы существуем сейчас, находится в соответствии с тем, какими мы были всегда» [2, с. 65].

В рамках настоящего исследования, нам удалось показать, что дискурсивность гуманитарного мышления, присущая, в том числе, и истории, должна способствовать раскрытию автореферентного характера создаваемых автором текстов. С точки зрения имманентного подхода автор и его текст имеют отношения самоотнесенности, когда его метаморфозы сознания тут же сказываются на создаваемом им тексте и, соответственно на истине, которая постоянно открывается всё в новых формах, как автору, так и свидетелю. Осмысление истории с этой философской точки зрения показывает, что ее описание как формальная фиксация прошлого сегодня должна уступить место новой методологии, призванной освобождать прошлое от себя самого для создания новых смыслов: «Историю можно считать не местом захоронения, не кладбищем, не простым хранилищем останков, а все время повторяющимся актом погребения» [27, с. 690]. Такая «хорошая память», как ее назвал Поль Рикёр, раскрывает в обращении к прошлому всё новые смыслы, обнаруживая истину не в авторе, не в свидетеле, а в точке сопряжения обоих миров.

Таким образом, в активно развивающихся в интеллектуальной среде дискуссиях о кризисе гуманитарных наук, намечается сдвиг. Наблюдая, с каким энтузиазмом, в

последнее десятилетие ученые-гуманитарии вступили в схватку с опосредованной рыночной прагматикой реальностью, уже можно выстраивать благоприятные прогнозы. Как оказалось, образ «врага», тем не менее, помог сплотиться ученым различных гуманитарных областей, объединить усилия и наладить междисциплинарные связи, упрочняя фундамент гуманитарного знания. Данная статья служит тому примером. Философское осмысление истории позволяет приблизиться к осознанию сущности национального самосознания и дальнейшего пути развития России. Исследование на стыке истории и философии, изучение эго-документов с философских позиций, выявление автореферентного характера исторического письма, на наш взгляд, позволяет полнее представить картину эпохи, соотнося содержание источника с историей ментальности, историей чувств, гендерной историей, а это, в свою очередь, дает выход на более широкие «вневременные» вопросы для ряда направлений гуманитарного знания, что поможет сблечь его высокий уровень и достоинство.

Список используемой литературы

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001 – 256 с.
2. Мороз О, Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель / О. Мороз, Е. Суверина // Новое литературное обозрение, 2014. – № 1(125). – С. 59–74.
3. Николаи Ф., Кобылин И. Американские trauma studies и предел их транзитивности в России / Ф. Николаи, И. Кобылин // Логос, 2017. – № 5. – С. 116–136.
4. Сафронова Ю.А. Историческая память. Введение. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2019 – 220 с.
5. Копцева Н.П., Сергеева Н.А., Ермаков Т.К. Современные способы этнической самоидентификации на материале анализа эвенкийской этнокультурной группы / Н.П. Копцева, Н.А. Сергеева, Т.К. Ермаков // В сборнике: Междун. науч.-прак. конференции Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы (Красноярск, 30 ноября-02 декабря 2017 г.) Красноярск, 2017. – С. 195–198.
6. Николаева А.Б. Человек интерпретирующий как основная фигура процесса персонификации истории / А.Б. Николаева // Вестник Омского университета, 2019. – № 4. – С. 82–85.
7. Москалюк, М.В.; Строй, Л.Р. «...Люди искали света и находили радость в искусстве»: первая мировая война и революция в художественных процессах Красноярска / М.В. Москалюк, Л.Р. Строй // Журнал СФУ. Гуманитарные науки, 2019. – № 6. – С. 1035–1047.
8. Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) / Д.И. Петин // Новейшая история России, 2019. – № 2. – С. 389–405.

9. Пученков А.С. Набоков В.Д. «Крым в 1918/19 гг.» / А.С. Пученков, В.Д. Набоков // Новейшая история России, 2015. – № 1. – С. 221–257.
10. Пученков А.С., Сушко А.В., Петин Д.И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А.Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) / А.С. Пученков, А.В. Сушко, Д.И. Петин // Новейшая история России, 2018. – № 4. – С. 1058–1073.
11. Романюк Т.С. Учреждение единоверия и начальный этап его распространения на территории Уральского казачьего войска / Т.С. Романюк // Журнал СФУ. Гуманитарные науки, 2019. – № 5. – С. 833–841.
12. Рашина Г.Н. Герменевтическая философско-культурологическая модель интерпретации исторических фактов / Г.Н. Рашина // Экономика. Общество. Человек. 2002. – №.3. – С. 200–204.
13. Августин Аврелий Исповедь. – М.: Ренессанс, 1991 – 488 с.
14. Фуко М. Управление собой и другими. – СПб.: Наука, 2011 – С. 78–84.
15. Копцева Н.П. Истина как форма моделирования целостности на уровне индивидуального бытия / Н.П. Копцева // Философия и культура. 2014. – № 12. – С. 1739–1748.
16. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: 1994. – С. 462–518.
17. Томэ, Д., Шмид, У., Кауфманн В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография. – М.: ИД ВШЭ, 2017 – 336 с.
18. Зайцев П.Л. Чтение и инициация: поиски смысла в ситуации «смерти автора» / П.Л. Зайцев // Вестник Омского университета. 2019. – № 3. – С. 80–83.
19. Petöfskyi N. Az ego nem csak más. – Budapest, 1981. – 331 p.
20. Вдовина И.С. (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / И.С. Вдовина // История философии, 2015. – №1. – С. 291–302.
21. Ямпольская А. В. Искусство феноменологии. – М.: РИПОЛ классик, 2018 – 342 с.
22. Аристотель Никомахова этика. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1984 – С. 53–293.
23. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля. (Экспозиция герменевтической ситуации). – СПб.: Гуманитарная академия, 2012 – 224 с.
24. Шкловский В.Б. О теории прозы. – М.: «Советский писатель», 1983 – 384 с.
25. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Мысль, 1977 – С. 255–269.
26. Леви П. Канувшие и спасенные. – М.: Новое издательство, 2010 – 196 с.
27. Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Изд-во гум.лит-ры, 2004 – 728 с.

Kalach E.A., Petin D.I.

**«I WRITE, THEREFORE I EXIST» (REFLECTIONS ON THE COURSE OF
READING TRAVEL NOTES BY M.A. GRISHINA-ALMAZOVA)**

Annotation: *In the article, based on travel notes of a private nature by the anti-Bolshevik politician M.A. Grishina-Almazova, a reflection on the self-referential nature of autobiographical sources unfolds. The interrelation of the change of the type of scientific rationality with the understanding of the status of the self-referencing letter is revealed. In the course of the article, the authors formulate three approaches to understanding autobiography: subjective-objective, non-objective and immanent. As a result of considering the strengths and weaknesses of these approaches, it is concluded that there is a great heuristic potential of an immanent approach to autobiography. From the point of view of this methodology, an attempt is made to comprehend the travel notes of M.A. Grishina-Almazova.*

Keywords: *autobiography, autoreference, immanent approach, phenomenological experience, gender history, Civil war, white movement.*

References

1. Lektorskiy, V.A. Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya [Epistemology is classical and non-classical]. Moscow, Editorial URSS, 256 p.
2. Moroz, O, Suverina, E. Trauma studies: Istoriya, reprezentatsiya, svidetel' [Trauma studies: History, Representation, Witness'] // In Novoye literaturnoye obozreniye [New literary review], 1(125), 59-74.
3. Nikolai F., Kobylin I. Amerikanskiye trauma studies i predel ikh tranzitivnosti v Rossii [American trauma studies and the limit of their transitivity in Russia] // In Logos [Logos], 27 (5), 116-136.
4. Safronova YU.A. Istoricheskaya pamyat'. Vvedeniye [Historical memory. Introduction]. St. Petersburg, Publishing House of the European University, 220 p.
5. Koptseva, N.P., Sergeyeva, N.A., Ermakov, T.K. Sovremennyye sposoby etnicheskoy samoidentifikatsii na materiale analiza evenkiyskoy etnokul'turnoy gruppy [Modern ethnic self-identification material analysis of an evenki ethnic-cultural group] // In sbornik mezhdunarodnoy nauchno prakticheskoy konferentsii "Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noy Sibiri v XX-XXI vekakh: opyt i perspektivy" [In the collection: International. Science practice. conferences "Specifics of ethnic migration processes in Central Siberia in the XX-XXI centuries: experience and prospects"], Krasnoyarsk, 195-198.
6. Nikolayeva, A.B. Chelovek interpretiruyushchiy kak osnovnaya figura protsessa personifikatsii istorii [A person who interprets as the main figure in the process of personification of history] // In Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University], 24 (4), 82-85.

7. Moskalyuk, M.V.; Stroy, L.R. «...Lyudi iskali sveta i nakhodili radost' v iskusstve»: pervaya mirovaya voyna i revolyutsiya v khudozhestvennykh protsessakh Krasnoyarska [“... People searched for light and found joy’ in art ”: World War I and the revolution in the artistic processes of Krasnoyarsk] // In ZHurnal SFU. Gumanitarnyye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 12 (6), 1035-1047.
8. Petin, D.I. S avantyuroy skvoz' zhizn': Mariya Aleksandrovna Grishina-Almazova (Mikhaylova) [With an adventure through 'life': Maria Alexandrovna Grishina-Almazova (Mikhailova)] // In Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia], 9 (2), 389-405.
9. Puchenkov A.S., Nabokov V.D. «Krym v 1918/19 gg.» [Nabokov V.D. “Crimea in 1918/19.”] // In Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia], 1, 221–257.
10. Puchenkov A.S., Sushko A.V., Petin D.I. «Vsem govornite, chto moye puteshestviye ochen' opasnoye...»: pis'ma generala A.N. Grishina-Almazova yego supruge (osen' 1918 g.) [«Say everyone that my journey very dangerous ... «: letters of General A.N. Grishin-Almazov to his wife (autumn 1918)] // In Noveyshaya istoriya Rossii [Modern History of Russia], 8 (4), 1058-1073.
11. Romanyuk, T.S. Uchrezhdeniye edinoveriya i nachal'nyy etap ego rasprostraneniya na territorii Ural'skogo kazach'yego voyska [The establishment of single-faith and the beginning of its distribution in the territory of the Ural's Kazakh army] // In ZHurnal SFU. Gumanitarnyye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 12 (5), 833-841.
12. Rashina, G.N. Germenevticheskaya filosofsko-kul'turologicheskaya model' interpretatsii istoricheskikh faktov [Hermeneutical philosophical-coul'turological model 'interpretation of historical facts] // In Ekonomika. Obshchestvo. CHelovek [Economy. Society. Human], 3, 200-204.
13. Avgustin Avreliy Ispoved' [Confession]. Moscow, Rennsans, 488 p.
14. Fuko, M. Upravleniye soboy i drugimi [Controlling oneself and others]. St. Petersburg, Nauka, 432 p.
15. Koptseva, N.P. Istina kak forma modelirovaniya tselostnosti na urovne individual'nogo bytiya [Truth as a form of modeling integrity at the level of individual being] // Filosofiya i kul'tura. [Philosophy and culture], 12, C. 1739-1748.
16. Bart, R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, 616 p.
17. Tome, D., SHmid, U., Kaufmann, V. Vtorzheniye zhizni. Teoriya kak taynaya avtobiografiya [The invasion of life. Theory as a Secret Autobiography]. Moscow, HSE Publishing House, 336 p.
18. Zaytsev, P.L. CHteniye i initsiatsiya: poiski smysla v situatsii «smerti avtora» [Reading and Initiation: Finding Meaning in a “Death of an Author” Situation] // In Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University], 24 (3), 80-83.
19. Petöfskyi, N Az ego nem csak más. Budapest, 331 p.

20. Vdovina I.S. (Post)fenomenologiiā. Novaiā fenomenologiiā vo Frantsii i za ee predelami // Istoriiā filosofii, 2015. T. 20(1). S. 291-302.
21. IАmpol'skaya A.V. Iskusstvo fenomenologii [The art of phenomenology]. Moscow, RIPOL klassik, 342 p.
22. Aristotel' Nikomakhova etika [Nikomakhova ethics]. Moscow, Mysl', 1984, 53-293.
23. KHaydegger, M. Fenomenologicheskiye interpretatsii Aristotelya. (Ekspozitsiya germenevticheskoy situatsii) [Phenomenological interpretations of Aristotle. (Exposition of the hermeneutic situation)]. St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, 224 p.
24. SHklovskiy, V.B. O teorii prozy [About Prose Theory]. Moscow, «Sovetskiy pisatel'», 384 p.
25. Tynyanov, YU. Poetika [Poetika] // In Istoriya literatury. Kino. Moscow, 255-269.
26. Levi, P. Kanuvshiye i spasennyye [Sunken and saved]. Moscow, Novoye izdatel'stvo, 196 p.
27. Rikër, P. Pamyat', istoriya, zabveniye [Memory, history, oblivion]. M., Izd-vo gum. lit-ry, 728 p.

Сведения об авторах

Калач Екатерина Андреевна, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, г. Омск, Омский государственный технический университет

Email: kat.kalach@mail.ru

Петин Дмитрий Игоревич, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, г. Омск, Омский государственный технический университет

Email: dimario86@rambler.ru

Kalach Ekaterina Andreevna, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk, Omsk State Technical University

Email: kat.kalach@mail.ru

Petin Dmitry Igorevich, PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Philosophy and Social Communications, Omsk, Omsk State Technical University

Email: dimario86@rambler.ru